

Э. Успенский

ЗИМА В ПРОСТО-
КВАШИНО

Зима в простоквашино

(Простоквашино - 2)

Эдуард Успенский

Глава первая ПИСЬМА ИЗ ПРОСТОКВАШИНО

Жарким летом всегда хочется, чтобы пришла зима и побыла с нами хотя бы один день.

И эта желанная зима кажется таком красивой, солнечной. Одним словом: «Мороз и солнце. День чудесный...»

А когда зима приходит, она часто бывает совсем не такая — сплошные метели, заносы да заморозки. И каждый год дядю Фёдора зимой в Простоквашино не пускали:

— Нечего там делать. Зимой в Простоквашино одна простуда живёт.

А Шарик с Матроскиным в Простоквашино круглый год проводили. И лето, и зиму, и осень. И всё в одной одежде. И никогда не простужались, не кашляли даже.

И вот однажды зимой дядя Фёдор из Простоквашино сразу два письма получил.

Первое письмо было от Шарика:

«Дорогой ты наш отец — дядя Фёдор!

От этого Матроскина житья совсем не стало. Раскомандовался! Только и слышишь: „Поди! Принеси! Подай! Сходи в магазин! Сбегай на почту! Поруби дрова! Вымой за собой посуду!“ А у меня посуды — одна миска. И мыть её нечего. Языком облизнул — и всё. И дрова мне не нужны, мне в моей шкуре и так тепло. В общем, если ты не приедешь, я его кусать начну.

А в остальном живём мы хорошо. Можно сказать, дружно. Только спорим часто. Вот мы уже целую неделю спорим — кто должен дверь закрыть.

Матроскин молоко пролил — и в доме скользко. Мы-то привыкли, а другим трудно. Телёнок Гаврюша в дом вошёл, ноги у него разъехались, он второй день в снях лежит. Он тяжёлый, его не поднять. Мы его в доме сеном кормим.

Почтальон Печкин вошёл, поскользнулся и сразу под стол въехал. Очень смешно. Лежит сердится. Говорит: „Правильно вы дверь не закрываете. На улице теплее, чем у вас. Пусть к вам тепло с улицы идёт“.

Дядя Фёдор, прикажи Матроскину дверь закрыть.

Твой вечный друг — Шарик».

Второе письмо было от Матроскина:

«Дорогой дядя Фёдор!

От этого Шарика житья совсем не стало! Ничего делать не хочет, только с фоторужьём бегают. А когда убегает, так спешит, что дверь ему закрыть некогда.

Увидел кабана в огороде и помчался за ним с фоторужьём по сугробам. А кабан-то наш простоквашинский не шибко грамотный, он фоторужьё от простого не отличает. Он думал, его стрелять хотят, и целый день гонял нашего охотника по полям.

Пришёл он весь мокрый и с ногами под кровать залез, а дверь закрыть у него, видите ли, сил не было. А я ему не прислуга.

Почтальон Печкин к нам приходит перестал, потому что однажды поскользнулся и заехал под стол. Он говорит, что на улице теплее, чем у нас в доме.

Дядя Фёдор, я тебя предупреждаю, если Шарик завтра не закроет дверь, я перееду в коровник к корове Мурке, там на три градуса теплее. А Шарик пусть здесь

замерзает. У нас в доме, особенно на кухне, настоящий полюс холода получился. Молоко у нас по всем лавкам куличиками стоит. Оно твёрдое, я его из ведра целиком вытряхиваю.

Любящий тебя кот Матроскин».

Дядя Фёдор эти два письма прочитал, жутко расстроился. Он письма папе показал. А папа говорит:

— Эх, дядя Фёдор, дядя Фёдор, сын мой. У твоих друзей дела плохи, а у меня ещё хуже. Меня наша мама разлюбила.

Чего-чего, а этого дядя Фёдор не ожидал. Он даже опешил.

— А почему ты, папа, так решил?

— Такие вещи не скроешь, — говорит папа. — Вот скажи мне, сын, когда ты последний раз видел котлеты с макаронами?

— Вчера видел, — говорит дядя Фёдор. — И позавчера видел. Да я вообще каждый день их вижу, потому что мы с тобой, папа, уже неделю как ходим ужинать в столовую.

— Теперь ты всё понял?

— Нет, папа. При чём тут котлеты с макаронами?

— А при том, что наша мама целыми днями где-то пропадает. Как с работы приходит, так сразу куда-то уходит. Я её спрашиваю — в чём дело? А она говорит — это сюрприз.

— Ну и что, может быть, и в самом деле сюрприз, — говорит дядя Фёдор.

— Знаю я этот сюрприз, — говорит папа. — Он у них в магазине секцией готового платья заведует. Здоровый такой мужик. Лысый. В обед всё на гитаре играет.

От такой информации дядя Фёдор даже запечалился. Если мужик готовым платьем заведует и на гитаре играет, он, конечно, перед папой явное преимущество имеет. Он может в себя их маму влюбить.

Дядя Фёдор говорит:

— А давай, папа, мы тоже на гитаре играть выучимся.

— Не смей меня, дядя Фёдор, — говорит папа. — Если любовь ушла, ты хоть на гитаре играй, хоть на балалайке, хоть на трубе — ничего уже не получится.

Дядя Фёдор спрашивает:

— А есть что-нибудь, папа, что ты умеешь лучше всех делать?

— Есть, — говорит папа. — Я лучше всех умею узбекский плов готовить и петь казачью песню про ракитовый куст.

— Вот что, папа, — сказал дядя Федор. — Скоро Новый год. Мы все вместе в Простоквашино уедем. Будем там на лыжах кататься, печку топить, а в Новый год карнавал устроим. Ты нарядишься казаком или узбеком. Будешь вкусный плов готовить и казачью песню петь про ракитовый куст. Мама тебя снова изо всех сил полюбит.

Эта мысль папе сильно понравилась.

— А на чём мы поедem? В Простоквашино ведь электрички не ходят, а с автобусами зимой перебои.

— А наш «Запорожец» на что?

— Ой, — говорит папа, — это же умственно отсталый автомобиль. Его сразу устарелым изобрели. Это авточудо не для езды, а для ремонта предназначено.

— Ремонты всегда сближают, — спорит дядя Фёдор. — А потом, у нас целая неделя впереди есть. Мы его так к понедельнику отладим, что он у нас в «мерседес» превратится.

И папа согласился. Главное было маму на праздники от этого сюрпризного мужика оторвать.

И стали они с папой по вечерам «Запорожец» в порядок приводить. А так как в гараже холодно, они всё, что можно, домой тащили. И колёса домой, и крылья домой, и карбюраторы-генераторы тоже домой.

В другое бы время мама бы им такое устроила! Но сейчас она ничего не замечала. Она приходила, запиралась в большой комнате и что-то там всё время пела.

Глава вторая ПИСЬМА В ПРОСТОКВАШИНО

В Простоквашино пришло срочное письмо. Почтальон Печкин не очень хотел идти в этот спорный дом, но делать нечего — служба есть служба.

Он вошёл в открытую дверь, положил письмо на стол и вышел. Вернее, выехал, потому что все, кто входил в дом, не ходили, а скользили по полу.

Кот Матроскин взял письмо и стал вслух читать:

«Дорогие Матроскин и Шарик!

Пишут вам папа и дядя Фёдор. Как же так получается? Мы на вас же надеялись. А вы устроили ссору! Безобразие! Всё! С этого дня ваш дом переводится на военное положение. И всё-всё в доме будет делаться по приказу-расписанию».

В письме находился «Приказ-расписание». Он был такой:

Приказ-расписание

1. Подъём в 7.30. (Ответственный Матроскин.)
2. Завтрак в 8.25. (Ответственный Шарик. Поедание совместное.)
3. Топка печки в 9.00 (Ответственный Матроскин.)
4. Доставка дров. (Ответственный Шарик.)
5. Обед в 14.00. (Ответственный Матроскин. Поедание совместное.)
6. Мытьё посуды, но не облизывание, в 14.30. (Ответственный Шарик.)

И так весь день был расписан. А в конце папа и дядя Фёдор писали:

«Шарик и Матроскин!

Если у вас всё будет в порядке, мы всей семьёй приедем к вам на Новый год и подарки привезём.

Шарику — ошейник с медалями.

Матроскину — радиопередатчик для коровы Мурки. (Вместо колокольчика. Чтобы он мог её в любое время найти с помощью радиоуказателя.) Очень модная штука на Западе. Все коровы носят.

А почтальону Печкину — японскую собачку Щицу. Очень лизучую, для наклеивания почтовых марок.

Во время первой русско-японской войны японцы выпускали этих собак вперёд, и наши офицеры не могли идти в атаку, потому что собачки их облизывали.

Мы помним, что дядя Печкин давно хотел завести зверюшку. Он говорил:

„Ты приходишь домой, а она тебе радуется“.

Ждём от вас ответа — папа Дима и его сын дядя Фёдор».

Шарик выслушал письмо и сразу сказал:

— Если у меня будет ошейник с медалями, я совсем другой собакой стану. Во мне столько благородства появится и смелости, что на двух английских лордов хватит.

— Благородство и смелость не от медалей появляются, — ворчливо ответил Матроскин, — а наоборот, медали от них идут. Это только у народных артистов смелость от медалей возникает.

Шарик на это сказал:

— Ты это от зависти говоришь! Потому что котам и кошкам медалей не дают!

— Коты и кошки сами медалей не хотят.

— Почему? — удивился Шарик.

— Потому что с медалью мышь никогда не поймает. Гремит она сильно. Это всё равно что с колокольчиком на шее за мышью гоняться.

Позвали они почтальона Печкина и письмо ему прочитали. Печкин сразу сказал:

— Мне очень нравится «Приказ-расписание». Я сам себе такой же напишу и на почте повешу. И хорошо, что папа с мамой приедут. Только я лизучей собаки Щицу боюсь.

— А чего её бояться! — удивился Шарик. — Это очень полезная собака. Утром ещё не проснулся, а она тебя уже облизывает. Умываться даже не нужно!

— Не знаю, не знаю, — говорит Печкин. — К кусачим собакам я уже привык. Я знаю, как с ними разговаривать. Тем более что скоро лучшим почтальонам газовые баллончики будут давать против кусания. Ты на собаку прыснул — и она спит пять минут, какдохленькая. Когда мне такой баллончик дадут, я его хочу на вашем Шарике испытать.

— Это очень негуманный метод, — огорчился Шарик. — Я читал, что в Свердловской области лучше придумали. Там почтальонам такие специальные липучие сосиски дают. Собака сосиску хватя зубами, а разжать их уже не может.

— Нет, — говорит Печкин. — Это не для меня. Я за день три деревни обхожу, сто дворов. Это же сто сосисок с собой носить надо. Это же целая тележка получается. Баллончик всё-таки лучше.

Он на Шарика так многозначительно посмотрел и добавил:

— И значительно воспитательнее!

В общем, после этого письма у Матроскина и у Шарика жизнь немного улучшилась.

А к Печкину пришло отдельное письмо:

«Уважаемый Игорь Иванович!

Пишет Вам папа дяди Фёдора. Вот о чем я Вас попрошу: если у Матроскина и Шарика конфликт выйдет за разумные пределы, Вы мне об этом сообщите. Вы мне длинного письма не пишите. Вы мне просто пустой конверт пришлите и вложите в него одно колечко Ваших седых волос, как будто Вы поседели от горя. И мне всё станет ясно. А самое лучшее, попробуйте их помирить. Надо, чтобы они наладили контакт.

Ваш папа Дима — папа дяди Фёдора».

Папа совсем забыл, что почтальон Печкин давно уже не имел не только колечек, но и вообще волос на голове.

Глава третья ДЯДЯ ФЁДОР НАВОДИТ МОСТЫ

Дядя Фёдор долго голову ломал: как же так получается — мама любила, любила папу, а теперь вдруг раз и нет? Разлюбила, видите ли! Он решил с мамой поговорить. Он начал так, издалека:

— Мама, последнее время ты какая-то не такая стала. Ты, мама, совсем другая сейчас.

Мама Римма в зеркало на себя посмотрела и вяло так спрашивает:

— Ты находишь, дядя Фёдор? Это что, очень заметно?

— Очень заметно. Ты дома почти не бываешь. Почему это так, мама?

— Понимаешь ли, дядя Фёдор, мне кажется, один человек, очень для меня важный, ко мне сейчас не так хорошо относится, как раньше.

— Это папа?

— Не будем уточнять, — говорит мама. — Только ты скажи мне, дядя Фёдор, когда ты последний раз в нашем доме букет роз видел?

Дядя Фёдор задумался и отвечает:

— Я их тогда, мама, видел, когда к нам в гости такой толстый-претолстый дядя приходил из твоего магазина.

Мама продолжила:

— Хорошо. А когда ты в последний раз видел бутылку шампанского?

— Тогда, — отвечает дядя Фёдор, — когда этот толстый дядя второй раз к нам пришёл.

— Вот видишь! — говорит мама. — А мои любимые шоколадные конфеты «Мишка на Севере» когда ты в последний раз наблюдал?

— Два дня назад, — говорит дядя Фёдор.

Мама даже поразились:

— Это где ты их видел?

— На кухне, на большом столе.

— И что они там делали? — допытывалась мама.

— Они там стояли. Их папа с домоуправляющей тётей Дашей ели вместе с чаем.

— Вот видишь, — говорит мама, — для управляющей тёти Даши у него всё есть! И время, и шоколадные конфеты.

А потом таким как будто спокойным голосом спрашивает:

— А не заметил ли ты, дядя Фёдор, сколько лет этой домоуправляющей даме?

— Заметил, — отвечает дядя Фёдор. — Ей нисколько лет. У неё уже годы кончи лись.

— Как так? — удивилась мама.

— Очень просто, — говорит дядя Фёдор. — Она сама сказала: «С тех пор как на пенсию пошла, я свои годы считать перестала! У меня нет возраста».

«Эти великовозрастные дамочки так и глядят, как бы чужого мужа отбить», — подумала мама.

Но, судя по всему, у неё от сердца отлегло. Она даже какую-то песню мурлыкать стала.

А дядя Фёдор к папе пошёл. И спрашивает:

— Пап, скажи мне, пожалуйста, когда последний раз видел в нашем доме букет с розами?

— Да никогда, — говорит папа.

— А почему? — спрашивает дядя Фёдор.

— Потому что с тех пор, как я женился, у меня все взгляды переменялись. Я считаю, что самый ценный подарок для женщины — это мешок картошки. Знаешь, сколько мешков я для твоей мамы перетаскал?

Дядя Фёдор говорит папе:

— Вот что, папа, хоть сейчас и зима, ты всё-таки про букет роз подумай немного. Это так хорошо — иметь розы на Новый год.

Папа расстроился:

— Эх, дядя Фёдор, дядя Фёдор! Что ты такое говоришь! Да если бы твой кот Матроскин сейчас тебя услышал, он бы тебя уважать перестал. Ведь зимой за один букет роз можно три мешка картошки купить!

И оба они про кота Матроскина и про Шарика вспомнили.

Глава четвёртая ТЕЛЕГРАММА ИЗ МОСКВЫ

В избушке дяди Фёдора было тепло и уютно. В печке трещали дрова (доставка Шарика) и варился обед (ответственный Матроскин).

Они готовились к совместному поеданию.

Почтальон Печкин был тут же рядом. Грелся после разноски писем по заснеженной деревне.

Кот Матроскин крупными шагами ходил по избе, как политический ссыльный, и говорил вслух:

— Безобразие, на дворе капитализм построили, а у нас одна пара валенок на всех, как при развитом социализме!

— А почему так получается? — спрашивает почтальон Печкин. — У вас что, средств не хватает? У вас денег нет?

— Деньги у нас есть, — отвечает Матроскин. — У нас ума не хватает. Говорил я этому Шарiku: «Купи себе валенки». Так нет, он кеды купил. Тоже мне охотник-спортсмен для сельской местности! Лучше бы он парашютным спортом занимался. Или альпинизмом.

— Там что, платят больше? — поинтересовался Печкин.

— Там смертных случаев больше, — объяснил Матроскин.

— Что касается одежды, — заметил почтальон Печкин, — то наша простоквашинская национальная одежда простая. Это телогрейка на вате с поясом да валенки с калошами из противогоза. У нас зимой даже студенты в кедах не ходят.

— А что так? Стесняются? — спросил Шарик.

— Нет, — ответил Печкин. — Замерзают.

Потом Печкин говорит:

— А что это вы, уважаемые граждане, со мной разговариваете, а друг к другу не обращаетесь?

— Да как же с ним разговаривать, — говорит Матроскин, — когда это не пёс, а пенёк с хвостом. Он «Приказ-расписание» дяди Фёдора нарушает.

— Не может быть! — говорит Печкин. — Как же он его нарушает?

— А так. Там написано: «В 14.30 мытьё посуды, но не облизывание». Так этот лохматый тип сегодня всю посуду языком облизал и полотенцем незаметно вытер.

— И что дальше было?

— Я ему замечание сделал, что дяде Фёдору скажу, так он меня продажной шкурой назвал.

— Вы не должны жить как кошка с собакой, — говорит Печкин. — Вы должны друг с другом дружить и разговаривать.

— Не могу с ним разговаривать, — ворчит Шарик. — У меня язык не поворачивается.

— А давайте мы ему письмо дружеское напишем, — предлагает Печкин.

— Вам делать нечего, вы и пишите, — согласился Шарик.

Печкин достал из почтовой сумки ручку, бумагу и начал писать Матроскину письмо:

— «Дорогой мой Матроскин...» Так правильно?

— Правильно, — говорит пёс.

— «Я тебя обругал сдуру. Больше не буду...».

— Как это не буду? — возмутился пёс. — Как у меня нервы взвинтятся, я ему и не такое

скажу.

— Ладно, — понял Печкин. — Запишем так: «Я тебя обругал сдуру и ещё буду». Так правильно?

— Так правильно, — соглашается Шарик.

— Теперь о чём писать?

— Не знаю, — говорит Шарик. — О чём хотите, о том пишите.

— Когда не знают, о чём писать, о погоде пишут, — говорит Печкин.

— Вот и пишите о погоде.

Печкин стал продолжать:

— «Погода у нас хорошая, мороз и солнце, день чудесный...»

— Какая хорошая, какой чудесный! — кричит кот. — Метель трети сутки носа высунуть не даёт.

— А вы не мешайте, гражданин кот, — остановил его Печкин. — Когда будете ответ писать, про свою погоду напишете.

— Не буду я ему письма писать, — сердится кот. — Он и читать-то не умеет. Ему письма надо вместе с почтальоном доставлять.

И тут мимо окна грузовая машина «Почта» проехала. Печкин как закричит-

— Стой! Стой! Назад!

— Чего это так — назад? — спрашивает Шарик.

— А ничего, — отвечает Печкин. — Застрянет сейчас. Там снега у почты набралось с метр. Никто убирать не хочет. Никому дела нет до нас, почтальонов.

И точно, машина завязла.

Матроскин, Шарик и Печкин на улицу выскочили. На улице красиво. Снежинки падают, каждая размером с блюдце. Такие красивые, хоть в холодильник складывай. Солнце заходящее снег золотит. И мороз не очень сильный — тридцать градусов всего. И дрова лежат берёзовые под навесом! Благодать!

Но почтового шофёра Олега Харитонов это всё не радовало. Он вообще-то природу любил, даже очень любил, но когда с машиной неисправности были, он обо всём на свете забывал. Он тогда говорил:

— По мне этой природы хоть бы и вовсе не было!

Он толкал машину, толкал. И Шарик с Матроскиным толкали, и сам Печкин толкать пытался — всё без толку.

— Ну всё, — говорит Печкин шофёру. — Теперь вы здесь точно до весны жить будете.

— Это как так до весны? — поразился шофёр Харитонов. — У меня же семья в городе, работа. Мы трактором машину вытащим.

— А так, — отвечает Печкин. — У нас на селе ни одного трактора не осталось. Все тракторы в город уехали.

— Почему это не осталось? — кричит Матроскин. — А тр-тр Митя на что?

Побежал он в сарай, тр-тр Митю завёл и ещё корову Мурку из сарая вывел и те-нка Гаврюшу. Так что к двадцати лошадиным силам трактора ещё две коровьих силы прибавилось, одна котовая и одна собачья.

Кое-как вытащили бедный грузовик, чтобы шофёр здесь до весны не мучился.

Шофёр Харитонов говорит:

— Вот, почтальон Печкин, вам телеграмма.

А телеграмма была не почтальону Печкину, а Шарiku с Матроскиным:

Готовьтесь к встрече нас и Нового года. Мы к вам едем на «Запорожце». Папа и дядя Фёдор.

И все обрадовались, про ссору забыли, стали думать, как лучше Новый год встречать.

Глава пятая НЕОЖИДАННОСТИ ОТ МАМЫ РИММЫ

Новый год неумолимо приближался, как скорый поезд к станции.

Был спокойный домашний вечер. Папа и дядя Фёдор ремонт «Запорожца» заканчивали. Папа бензиновую печку в тазу перебирал. Дядя Фёдор запасное колесо накачивал, а мама в десятый раз одну музыку по магнитофону прослушивала.

Папа спрашивает маму:

— Ты где будешь Новый год встречать — в семейном кругу или в магазинном? Мы с дядей Фёдором решили в Простоквашино ехать.

Мама на это отвечает:

— Да вы сами подумайте. Я живу у вас, как крестьянка крепостная. У меня есть четыре платья вечерних с блёстками, а показать их некому. Я хочу на людях Новый год встречать. Там, где много музыки и света — в подвале Дома журналистов. Я хочу, чтобы люди мои платья видели.

Папа говорит:

— Может быть, мы эти платья без тебя в этот подвал пошлём? Пусть их там людям покажут, а ты с нами в Простоквашино поедешь.

— Ни за что, — сказала мама, — куда платья, туда и я!

И тогда мама открыла свою тайну:

— Вы как хотите, а у меня выступление на Центральном телевидении. В подвале Дома журналистов будут новогодний концерт участников самодеятельности снимать. Я уже полгода как один номер с нашим менеджером по колготкам репетирую.

Дядя Фёдор даже поразился:

— Вот какая у нас мама замечательная!

А папа задумался:

— Интересно, сколько лет этому менеджеру по колготкам? И кто он, блондин или жгучий брюнет?

Как будто это имеет какое-то значения для колготок.

Дядя Фёдор спросил:

— После выступления на последней электричке разве нельзя к нам в деревне приехать? А мы тебя около станции встретим.

— Я, конечно, люблю Простоквашино, — говорит мама, — но не до такой степени чтобы в вечернем платье в электричках разъезжать.

— Это верно, — заметил папа, — сейчас в Простоквашино зима. Там надо вечернюю телогрейку с блёстками надевать и вечерние валенки на высоком каблуке.

Они, конечно, расстроились, что мамы с ними не будет. Но твёрдо решили, что отступать не станут и во что бы то ни стало доедут до Простоквашино.

Глава шестая ПРОСТОКВАШИНО ГОТОВИТСЯ

Когда телеграмма из Москвы пришла, Шарик и Печкин очень обрадовались, а Матроскин сразу насторожился:

— А почему это мамы в этой телеграмме нет? Что-то здесь не так!

Но он особо эту мысль обдумывать не стал. Он просто решил взять командование в свои руки.

На следующее утро, ближе к полудню, он грозно так сказал Шарику:

— Вот что, охотник, тридцатое число на дворе, завтра Новый год. Бери ты в лапы пилу и топор и отправляйся в лес новогоднюю ёлку добывать. А мы с почтальоном Печкиным будем сибирские пельмени готовить. Или новогодний деликатес — макароны по-флотски.

Шарик не согласен:

— Мне жалко ёлки рубить. Они такие красивые!

— Ты не о красоте думай, а о том, что бесплатные! — кричит кот. — Сейчас, между прочим, время настоящей экономии наступило. Значит, всё бесплатное надо брать как можно скорее.

Он опять лапы за спину положил и по избе прошёлся. И всё ворчал:

— Он о красоте думает! А о нас кто подумает? Антон Павлович Чехов? Да? Или Фёдор Иванович Шаляпин?

Почтальон Печкин спрашивает:

— Разрешите поинтересоваться. Кто это такой, Антон Павлович Чехов, будет?

— Не знаю, — отвечает Матроскин. Только так пароход назывался, на котором мой дедушка плавал.

— А кто такой Фёдор Иванович Шаляпин?

— Тоже не знаю. Так другой пароход звали.

— Наверное, один был шахтёр прославленный, а второй — молотобоец! — решил Печкин. — Или они оба были почтальоны знаменитые.

— Я думаю, они были очень хорошие люди, — сказал Шарик, — раз их именем пароходы назвали. И они ни за что бы не стали ёлки рубить.

— А что бы они стали делать?

— Они бы пошли в магазин и искусственную ёлку купили, — говорит Шарик. — Они бы ещё всяких масок купили, хлопушек и косточек, чтобы на ёлку вешать.

И тут в дверь постучали. И как раз входит человек в маске и с искусственной ёлкой в руках:

— Угадайте, кто я?

Простоквашинцы хором и сказали:

— Антон Павлович Чехов!

— И вовсе нет, — говорит гость.

Печкин, Матроскин и Шарик сразу догадались:

— Фёдор Иванович Шаляпин!

А это был папа дяди Фёдора.

— А где дядя Фёдор?

— Он в машине сидит. Мы в снегу застряли.

Простоквашинцы сразу обрадовались и дружно побежали машину вытаскивать. Ветер

воет, снегом и дорогу, и простоквашинцев забрасывает, но они смело тянут машину сквозь темноту и колючую пургу. Просто как бурлаки на Волге.

— Ездовые собаки, это я знаю, — говорит Матроскин. — А чтобы были ездовые коты, с этим я в первый раз сталкиваюсь.

— Ничего, ничего, — говорит папа, — У нас дороги такие, что ездовые академики встречаются. Я сам видел.

Папа веселится, шутит, а глаза у него грустные.

Машину они очень быстро дотащили. Даже тр-тр Митя не понадобился.

Вошли они в дом, и папа стал подарки раздавать.

— Это тебе, Шарик, ошейник с медалями. Кожаный, сносу ему нет.

— А медали за что? — спрашивает почтальон Печкин.

— За разное. Есть за слух, есть за нюх. Есть «За двадцатипятилетие Трактороэкспорта». Есть «За спасение утопающих». Мне эти медали один полковник-собаковод подарил.

— Но он же никого не спасал! Никаких утопающих! — возмутился Матроскин.

— Зато меня самого спасали! — отвечает Шарик. — Я сам был утопающим! Мне за это медаль.

Тут Печкин вмешался:

— А где моя лизучая собачка Щицу?

Тут дядя Фёдор сразу про собачку вспомнил и к машине побежал вместе папой.

Через пять минут они приходят и собачку приносят вместе с бампером от «Запорожца». Оказывается, собачка бампер лизнула и примёрзла к нему.

Долго её вместе с бампером на печке держали, пока она от бампера не отлепилась.

Печкин тут же собачку взял и за пазуху засунул:

— Это моя собачка. Я её никому не отдам.

Матроскин спрашивает:

— А где мой радиоколокольчик для моей коровы?

Дядя Фёдор его в сторону отозвал и говорит:

— Я радиомаячок привёз, а стрелочный указатель я тебе позже передам. Не беспокойся, он до лета сюда ещё десять раз успеет приехать...

Матроскин ужасно расстроился:

— Шарику всё в целости привезли, а мне по частям.

Папа тем временем стал всё кругом осматривать. И спрашивает:

— У вас рис есть?

— Нет, — говорит Матроскин. — Только гречка.

Папа вздохнул:

— Придётся мне новогодний узбекский плов из гречневой крупы делать. А телевизор у вас есть?

— Есть. Вон он на шкафу стоит.

Папа телевизор со шкафа снял и спрашивает:

— А что это у вас такая странная настроечная таблица — кругами?

Почтальон Печкин говорит:

— Это у них не таблица. Это у них всё паутиной заросло. У них на каждой кастрюле такая настроечная таблица имеется.

Папа решил во что бы то ни стало телевизор наладить. Ведь в новогоднем «Огоньке» сегодня мама Римма поёт вместе с менеджером по колготкам!

Когда папа об этом менеджере думал, ему самому хотелось колготки на голову натянуть и с опасным оружием — с вилами — в подвал Дома журналистов явиться для выяснения отношений. Но он быстро себя успокоил и говорит:

— А у меня такая мысль есть прогрессивная. А давайте мы к себе на Новый год всех простоквашинских позовём.

— Да у нас тут простоквашинских только и осталось, что бабка Евсевна с дедом Сергеем с горушки да бабка Сергевна с дедом Александром за церковью, — говорит Печкин. — Да сторож Шурайка хромой с лесопилки, который гармонист свадьбешный.

— Вот всех их и позовём.

— Все не придут. Шурайка хромой ни за что не придёт.

— Почему?

— Он стесняется. Он негром стал.

— Как так негром стал? Разве неграми становятся?

— Становятся, да ещё как. К нам морилку завезли венгерскую для мебели. Он её выпил вместо спирта на одной гулянке. Наутро весь окрасился в коричневый цвет.

Вот, не пей что ни попадя.

— Ну и пусть он коричневый. Всё равно позовём, — говорит папа. — В нашей стране все равны, независимо от цвета кожи.

Он взял лист бумаги из своего чемоданчика и стал рисовать пригласительные билеты:

Уважаемый дед Сергей с горушки!

Приглашаем вас с супругой (Евсевой) на торжественный банкет — встречу Нового года. Форма одежды нарядная. Лучше всего приходить со своим стулом или табуреткой.

Встреча состоится в доме дяди Фёдора.

— Почему дяди Фёдора? — спрашивает Печкин. — А моя почта на что? Там помещение побольше будет. Там можно даже танцы устраивать.

— А телевизор там есть? — спрашивает папа. — Ведь мы должны нашу маму видеть. Её будут из подвала передавать.

— Есть там, есть телевизор! Мы всё дадим. И там большая ёлка прямо перед окном растёт.

Папа все пригласительные билеты на почту переписал. А Печкин их быстро по адресам разнёс.

Потом они все, кроме папы, взяли всё нужное и пошли на почту, чтобы почту в зал приёмов переоборудовать. Папа в избе остался, ему надо было к празднику узбекский плов готовить из гречки.

Глава седьмая НЕПРИЯТНОСТИ В ПОДВАЛЕ ДОМА ЖУРНАЛИСТОВ

В подвале Дома журналистов было очень светло и много музыки. Кругом были участники художественной самодеятельности. Один участник был художественнее другого.

Это были пластичные ребята и девушки из самодеятельного цирка. Они были все в блёстках и купальниках. А некоторые были только в блёстках, потому что купальники у них были незаметные, под цвет загара.

Они принесли огромное количество резиновых гирь. Мама взяла одну резиновую гирю и упала, потому что гиря была настоящая.

Там ещё были певцы во фраках напрокат. Один певец, например, мог в своём фраке, как в дачном туалете, вертеться. Потому что такой большой был у него фрак. Но пел он прекрасно. Он пел известную арию «Не счесть алмазов каменных в пещерах...».

А танцоров всяких танцев — украинских, испанских, молдаванских и цыганских — было столько, что они весь Дом журналистов заполнили от подвала до чердака. И все везде всё репетировали. Одних кадрили репетировалось три: подмосковная, подпсковская и подсанкт-петербургская. Мамина аккомпаниаторша — менеджер по колготкам тётя Валя — так волновалась, что ноты с песнями вместо пригласительного пропуска на входе милиционеру отдала. А дежурный милиционер сам так волновался, что эти ноты вместо пропуска взял.

И вот режиссёр Грамматиков, ответственный за концерт, закричал:

— Внимание, до начала трансляции осталось два часа! Начинаем прогон.

Прогон — это не тогда, когда прогоняют ненужных людей, а тогда, когда идёт последняя репетиция.

Операторы схватились за камеры, осветители — за фонари, прозвучали фанфары, и концерт пошёл. Вернее, не концерт, а репетиция концерта.

Песни сменялись гирями, гири — кадрилями, кадрили — художественным чтением. Маме дяди Фёдора было интересно и страшно.

И вот очередь дошла до неё. Ведущий программы, такой манекеноподобный гражданин Маслёнков, таким специально объявлятельным голосом говорит:

— Выступает продавец отдела женской галантереи и духов певица Римма Свекольников.

(Мама из застенчивости свою первую фамилию назвала, ещё допапину.)

— Что вы будете петь? — спрашивает маму манекеноподобный Маслёнков.

— Я буду петь казачью песню про ракитовый куст. Это любимая песня моего мужа.

— Но это же совсем не новогодняя песня, — говорит ведущий. — Она очень грустная.

— Да, — согласилась мама. — Но мой муж её очень любит! И казаки тоже.

— Хорошо, — сказал ведущий. — Раз так, пойте. А кто вам будет аккомпанировать?

Мама ему прошептала на ухо. Он громко объявил:

— Аккомпанирует менеджер по колготкам из того же магазина Валентина Арбузова.

А Валентина Арбузова аккомпанировать не может, — она ноты милиционеру отдала.

Пришлось номер мамы — песню про ракитовый куст — снять и временно заменить танцем народов Сибири.

Мама даже в сумочку полезла за платком — слёзы утирать. Видит, в сумочке какой-то

свёрток лежит.

— Валя, — говорит она своему менеджеру по колготкам, — смотри. Мне кто-то в сумочку мину подложил!

Тут к маме режиссёр Арифметиков подходит и говорит:

— Нам в нашей новогодней программе обойтись без казачьей песни никак нельзя. Казаки могут восстать. И тогда такое в стране начнётся!!! Я вам выделяю нашего лучшего пианиста Диму Петрова. Идите с ним репетируйте. Он без всяких нот любую музыку может играть. Его ноты только обижают.

И мама немедленно в репетиционный зал пошла.

Глава восьмая НОВЫЙ ГОД В ПРОСТОКВАШИНО

Вся деревня была погружена в метель, в снег, в новогоднюю морозную ночь. Ни огонька. И только почта почтальона Печкина вся светилась с ног до головы.

Перед почтой стояла наряженная живая ёлка. На ней висело всё, что можно было отнести к игрушкам: блестящие банки из-под пива, игрушки, сделанные из серебряной фольги, и конфеты.

Внутри стоял длинный стол, составленный из нескольких столов, покрытый зелёной скатертью.

Время приближалось к двенадцати.

Постепенно стягивались участники банкета: бабушка Евсевна с дедом Сергеем с горушки, дедушка Александр с бабушкой Сергеевной из-за церкви. Все приходили в валенках, замотанные платками, со своими стульями и с горячими чугунками с едой.

Скоро и папа пришёл, котёл узбекского плова принёс из гречневой крупы.

Ждали хромого гармониста Шурайку с лесопилки. Все волновались: «Придёт или не придёт? Придёт или не придёт?»

Всё-таки очень интересный человек: во-первых, гармонист, а во-вторых, негритянско-русской национальности.

Наконец он прихромал.

— Пришёл! Ура!

Гармонист был очень коричневым и очень нервным. От застенчивости он всё время играл на гармошке и смотрел в потолок. Папа усадил всех за праздничный стол и сказал:

— Дорогие друзья простоквашинцы! Беритесь за бокалы с шампанским. Сейчас начнётся самый торжественный момент, по телевизору будет петь наша мама, и наконец-то мы увидим... менеджера по колготкам.

Он хотел сказать: «Наконец-то мы увидим сюрприз, который она нам готовила», а сказал про менеджера.

Гости взялись за бокалы с шампанским. Они никогда не видели менеджеров по колготкам, и им очень было интересно узнать, что это такое.

По телевизору уже показывали подвал Дома журналистов и всех участников будущего концерта.

Как дядя Фёдор, Матроскин и папа ни всматривались, они не видели мамы Риммы.

Папа сразу приуныл: где это их мама?

И тогда он сказал:

— Дорогие гости, у меня грустное настроение. Давайте петь песни.

Все участники банкета как обрадуются! (Они не знали, куда руки, ноги девать, чем надо узбекский плов есть: вилками, ложками или половником, а тут им дело предложили.) Они все как запоют!

Но никто из них ни одной песни до конца не знал. И у них вот что получилось. Сначала Печкин запел:

Степь да степь кругом,
Путь далёк лежит...

Там в степи глухой...

Дальше он не знал, что там было, поэтому замолчал. Тут Евсевна с горюшки начала:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой...

Получилось, что в глухой степи расцветали яблони и груши и текла речка. Евсевна стала петь дальше:

— Выходила, песню заводила... — и, как назло, тоже забыла слова.

Тут уже дядя Фёдор запел:

Пусть бегут неуклюже
Пешеходы по лужам,
А вода по асфальту рекой...

Получилось, что Катюша на берегу крутом поёт песню крокодила Гены. Вышло складно, но неправильно. Потому что когда Катюша выходила на берег крутой, песни крокодила Гены ещё на свете не было.

А дальше получалась вообще какая-то белиберда:

Лучами красит солнышко
Стальное полотно...
Катится, катится голубой вагон...
Навстречу родимая мать...
Кондуктор, нажми на тормоза!

Тут почтальон Печкин заплакал и запел сквозь слёзы:

Мать ко мне на могилку
Никогда не придёт...

— Почему? — спросил папа.

— Кондуктор не успел нажать на тормоза!

— Ну вот что, — сказал папа. — Это не пение. Это безобразие. Вы, дорогие гости, ни одной песни до конца не знаете. Вот сейчас я сам спою вам казачью песню про ракитовый куст. Уж я-то все слова помню.

Он повернулся к Матроскину и тихо спросил:

— Матроскин, а как гармониста Шурайку полностью звать?

— Шурайка, — отвечает кот.

— А по отчеству?

— Николаевич.

— Уважаемый Шурайка Николаевич, — сказал папа, — подыграйте мне.

Гармонист Шурайка заиграл, а папа запел:

Ой, шуми ты, куст ракитовый,
Вниз под ветром до земли.
Казачи...

И вдруг все услышали, что кто-то папе подпевает. Все услышали красивый женский голос:

...дружка убитого
На шинели принесли...

— Это ветер завывает! — сказал Матроскин.

— Это крыша звенит, — сказал Печкин.

— Это домовые веселятся, — сказал дед Александр из-за церкви.

— Это мама поёт! — закричал дядя Фёдор. — Смотрите, вот она в телевизоре!

И тут в окошко почты кто-то постучал — и вошла мама в лыжном костюме и с рюкзаком. Рядом с ней была большая тётя — вся в вязаном лыжном костюме, в свитере и шапочке.

Бедный Печкин от удивления так глаза вытаращил, что они чуть на пол не упали. Он говорит:

— Смотрите, до чего техника дошла! Вашу маму тут и там передают!

Папа от удивления даже язык проглотил. А дед Александр из-за церкви сказал:

— Ну вот. А говорил, что все слова помнит.

А мама объяснила:

— Это не техника дошла. Это я сама на лыжах дошла.

— Знакомьтесь, — сказала мама и показала на вязаную тетю: — Это Валя Арбузова. Наш менеджер по колготкам.

Дядя Фёдор бросился к маме на шею. Папа стал целовать тетю Валю Арбузову. А Матроскин спросил:

— Мама Римма, как вы нас в такую погоду нашли? Ведь до станции четыре километра сугробами.

— По запаху, — говорит Шарик. — Я, например, такой плов узбекский и за пять километров отыщу.

— По радиомаяку, — сказала мама. — Смотрите, какой приборчик и какую записку я нашла у себя в сумочке.

Она показала всем радиоуказатель, который коту Матроскину для Мурки приготовили, и записку.

Записка была такая:

«Мама, это указатель радиомаячка, который мы купили для коровы Мурки. Приезжай к нам в Простоквашино на последней электричке. Указатель покажет тебе дорогу. Я включу маячок.

Мы тебя ждём. Твой сын дядя Фёдор».

А дальше такое веселье началось, какого в Простоквашино никогда ещё не было. Все стали друг с другом целоваться. Только с почтальоном Печкиным никто целоваться не хотел: у него усы кусачие. Он со своей лизучей Щицу целовался.

Папа угостил всех своим знаменитым пловом из гречки. А потом папа и мама запели вместе знаменитую казачью песню про ракитовый куст:

Ой, шуми ты, куст ракитовый,
Вниз под ветром до земли...

Я бы вам её пересказал, дорогие читатели, но я, как и многие из вас, никогда не запоминаю песни до конца.

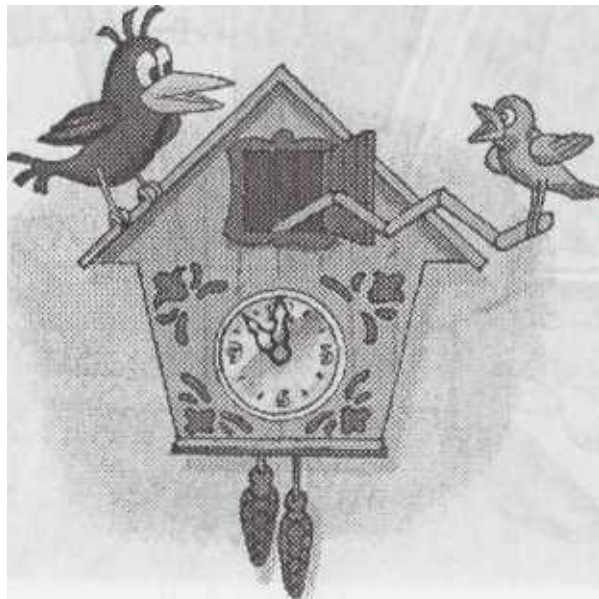
И тут часы забили двенадцать. Поэтому:

КО...

БОМ! БОМ! БОМ! БОМ! БОМ! БОМ!

БОМ! БОМ! БОМ! БОМ! БОМ! БОМ!

...НЕЦ

FB2 document info

Document ID: ooofbtools-2009-12-1-14-7-44-438

Document version: 1.1

Document creation date: 01.12.2009

Created using: ExportToFB21, FB Editor v2.0 software

Document authors :

- vladk

Document history:

1.0 Перевод из DOC. Вычитка 1.1 Добавлена обложка

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.30.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.30.0 написанного Lord KiRon